

ФЕСТИВАЛЬ МИМОВ

НЕДАВНО я вернулся из Западного Берлина, куда ездил по приглашению местной Академии художеств. Я был участником интересного и важного собрания — Международного фестиваля пантомимы. Это не был конкурс в обычном смысле слова. Академия художеств — научное учреждение, изучающее движение и направления современного искусства, — задалась целью изучить влияние пантомимы на смежные виды искусства: драму, балет, кино, цирк. Для того чтобы продемонстрировать возможности пантомимы, собрались в академии критики и артисты из 14 стран: Аргентины, Польши, СССР, Италии, Швеции и других государств.

Это был фестиваль как фестиваль. Но была и существенная разница: на сцене чаще всего царило безмолвие. Перефразируя эпитафию на могиле великого Гаспара-де-Бюлло, можно сказать: «Там говорили все, не говоря ничего». «Говорили» по-разному: пантомима жила рядом с танцем, акробатикой, словом.

Изящные миниатюры показали актеры театра «Кабуки» Оноэ Байко VII и Кику-цэ Оноэ. Условный язык их пантомимы, где каждое движение пальца, ладони означает свое, труден для европейца. Тем более труден, что лицо актера — как маска, оно каменно-неподвижно. Вот актер, стоя на месте, согнул и приподнял ногу. Это означает — он вошел в комнату. То, что в Японии знает каждый ребенок, в зале Академии художеств не знал почти никто. И все-таки, даже не умея перевести этот «язык», мы понимали его, потому что в их искусстве была мысль.

Была она и в номерах, показанных талантливой актрисой Деборой Бертонофф (Израиль). Свои пантомимы она танцует. Что бы она ни показывала — трагическое библейское событие или современную уличную сценку, образы ее тонко психологичны, наполнены изнутри. Очевидно влияние русской школы, школы Станиславского.

Всего этого начисто нет у француза Жака Лекока. Нам показали искусство, разъятое на элементы, которые годились бы, вероятно, для показательного урока в школе-студии, но едва ли — для зрительного зала. Это демонстрация языка пантомимы, ее средств, введение зрителя в мир своей игры: вот так я изображаю, как человек ходит, вот так — отдыхает, так — удивляется. И больше ничего. Кто этот старик, куда бредет, что, кроме лет, пригнуло его к земле? Неважно. Идет себе просто старый человек.

Трое молодых аргентинцев Роберто Эскорбар, Эдуардо Эрмида и Игон Лерчунди отвечают на вопросы. В их миниатюрах есть немудреный, добрый смысл. Когда двое поссорились из-за пойманной рыбы (кстати, еще Игорь Ильинский в «Лесе» Островского делал из трепещущей ладони рыбу), третий подходит и выбрасывает ее в реку: не стоит хорошим людям драться из-за пустяка.

Я видел яркие выступления Генриха Томашевского (Польша), Димитри (Швейцария). С большой насыщенной лекцией, демонстрацией своих фильмов выступил знаменитый Марсель Марсо.

Я предполагал, что мне надо будет показать один-два номера. А оказалось — даже не отделение, а целый вечер был моим. Пришлось готовить декорации, переводить некоторые вещи на немецкий язык, заново учить текст — да так, чтобы он от зубов отскакивал. И все это — в спешке, глядя на календарь и часы. Но, как говорят немцы: «Ende gut — alles gut». Концовка была в самом деле хорошей.

Аркадий РАЙКИН,
народный артист РСФСР

□ □

Я включил в свой концерт «лестницу славы», «Историю одной любви»,

«Скептика», пантомимы «Рыболов», «Защита диссертации», «Жизнь человека» и некоторые другие вещи. Принимали все великолепно. Был у меня такой номер — «Походки людей»: с работы, на работу, балерины, официанта, опоздавшего в класс ученика... А в конце я стал мять в руках, близко поднося его к микрофону, кусочек пергамента. Люди в зале слышали шаги людей, обутых в сапоги, солдатские шаги. «Весь мир прислушивается к этой походке. Мир хочет, чтобы ее не существовало на земле», — сказал я. Мои слова потонули в овациях.

Очень радушно приняли меня в академии. Когда я появился в зале в качестве зрителя, секретарь академии г-н Герберт фон Бутлер торжественно объявлял: «Здесь присутствует наш долгожданный гость г-н Райкин». Я мог подумать, что это делается по долгу гостеприимства. Но вот я впервые попал за кулисы. Актеры болели друг за друга так, как это бывает только дома. «Той, той, той» — немецкое «ни пуха, ни пера» — слышал за своей спиной каждый из нас. Радист, механик, рабочий, ведающий занавесом, — все они «держали кулаки» за меня. И тогда я уверился, что и в зале сидят люди, ждущие от меня и желающие мне добра.

Конечно, у каждого были свои болельщики. Иной раз по характеру публики можно было угадать, кто сегодня выступает. Остриженные почти наголо девицы, молодые люди в небрежно сшитых не по росту пальто явно собирались на концерт Лекока. Он и сам выступал непричесанным, в мятом, не очень опрятном тренировочном костюме.

Но было и устойчивое ядро, как это бывает на каждом конкурсе, — люди, которые приходили из вечера в вечер, сравнивали, оценивали, спорили. Я чувствовал себя среди них так же, как на любом концерте в Ленинграде или Москве. Зрители смеялись там, где надо было, вместе со мной негодовали, презирали. Зазнайка, напыщенность, глупость, лицемерие не приемлют все нормальные люди, где бы они ни жили. Я помню как-то в Ленинград приезжал на гастроли английский дирижер сэр Артур Блосс. Побывал он и в нашем театре. Потом в «Таймс», делаясь впечатлениями, он написал приблизительно следующее: «Напрасно некоторые думают, что бюрократ — явление чисто русское. Настоящий бюрократ родился и живет у нас в Лондоне. А их взяточнику еще надо поучиться у нашего. Разница в том, что там с ним борются, а у нас нет».

Я столкнулся с большим интересом к нашей стране, к нашей культуре. В иных случаях он был продиктован полным незнанием, в других — глубокой разносторонней осведомленностью. В музее-квартире прекрасного скульптора Георга Кольбе, который содержится за счет меценатов, хранительница спрашивала меня: «У вас есть такие музеи?.. Неужели? Но кто же их содержит?».

То же было на пресс-конференциях — бесконечные «как?», «почему?», «сколько?». Все они были абсолютно доброжелательными, особенно та беседа, которая состоялась в международном клубе журналистов. По тону и атмосфере это был прямо-таки семейный вечер. Правда, почти всех спрашивающих я уже знал: ведь они были моими зрителями...

На прощание, как всегда, говорились: «Приезжайте к нам снова», «Приезжайте к нам в Ленинград». Но в ответ я не увидел улыбок, не услышал обычного: «Конечно, конечно». Я услышал другое: «Это невозможно. Мы тут как на острове». Здесь и в самом деле не до поездов по театрам.